

«О тех суровых днях блокады»

«Что я могу рассказать о блокаде? Только со слов мамы и бабушки. Мне было два года, когда началась война», — поделилась с автором газеты «Комм-инфо» Сергеем Богдановым жительница Коммунара Татьяна Константиновна Кирк.

Маму сразу мобилизовали «на окопы», рыли землю под Павловском.

Мама рассказывала, что работали в основном женщины и пожилые мужчины. Чистое, голубое небо. В небе появился серебристый самолёт. Очень красиво. А самолёт вдруг стал снижаться и на нас посыпались бомбы. Спрятаться в чистом поле было негде. А самолёт улетит, возвращается снова и бомбит, и бомбит. Так и летал кругами. Вдалеке стоял сарайчик, и мы побежали туда. Кто-то схватил меня за руку и свалил на землю. Когда самолёт улетел, ни сарайчика, ни людей, успевших там спрятаться, не было. Окопы копали под бесконечными обстрелами и бомбёжкой. В один из самых страшных дней погибла почти вся мамина бригада. Однажды, тогда ещё ходили поезда, возвращались с окопов в Ленинград. В этот день погибло под бомбёжкой много людей. Напротив мамы сидел пожилой мужчина, по его щекам катились слёзы. На вопрос мамы, что случилось, он раскрыл рюкзак и показал ей много удостоверений учащихся ПТУ, ребята погибли...

Маме повезло выжить после очередной бомбёжки, она почти трое суток босиком добиралась до дома. Но самое страшное началось, вспоминали мама и бабушка, когда в город пришёл голод. Более предусмотрительные горожане смели с магазинных полок всё. Мама рассказывала, что она успела купить две бутылки портвейна, больше в магазине уже ничего не было. В доме ещё был хлеб, благодаря этому семья продержалась какое-то время. Хлеб макали в портвейн, этим и жили.

Беда не ходит в одиночку. Отключили электричество, перестал работать водопровод. Пока были силы, за водой ходили на Неву. Жили на Достоевского, до реки путь был не близкий. Вскоре просто набирали во дворе снег, и растапливали

его на буржуйке. Помню, она стояла посреди комнаты, и топили печку всем, что горело. Жгли мебель, книги.

Обстановка в городе была страшная. Мама рассказывала, что ходила по улице с маленьким топориком за пазухой. За карточки людей убивали, голод делал из людей зверей. Однажды вечером кто-то грубо схватил её сзади за плечо, мама обернулась, хотела достать топорик. Это был мужчина лет пятидесяти. Мама его толкнула, и он больше не встал.

Это было в 1941 г., рассказывала мама. Она возвращалась с ведёрком снега и увидела во дворе женщин, которые что-то возмущённо кричали. Перед ними стоял человек и на плохом русском языке говорил, что Ленинград должен сдаться. Немецкая армия всех накормит. Мама не рассказывала, что люди сделали с провокатором.

Бабушка от голода уже не вставала, отоваривать карточки ходила мама. Однажды, вспоминала мама, она взяла меня с собой. Я в детстве была толстенькой, а в блокаду вместо жирка под кожей собиралась жидкость, и я выглядела полненькой. Почему-то мама не заметила, как я вышла из очереди на улицу. Мама со слезами на глазах рассказывала: «Я бросилась тебя искать. Увидела женщину, которая вела тебя за руку к магазину. Та меня отругала за то, что отпустила на улицу одну такую полненькую девочку. Ведь её могли украсть». Да, говорила мама, тебя могли бы съесть. Было и такое...

Вот ещё мамины воспоминания: «Тогда, в том страшном 1942 году я поняла, как люди могут сходить с ума. Бабушка уже молча лежала, ты больше не просила есть. Просто стояла рядом, смотрела на меня и переступала с ножки на ножку. Видеть это было непереносимо! Лучше бы ты плакала, просила есть. Мне всю жизнь снились твои голодные глаза. Видеть, как страдает твой ребёнок и понимать, что ты ничего не можешь сделать. Однажды я подошла к окну, ещё секунда, и я бы бросилась вниз. Увидела внизу людей, увидела, что где-то ещё теплится жизнь, и это меня остановило». Мама уже не ходила во двор за снегом. Она просто ползла. Ползла через трупы на этажах. Ползла через трупы на улице, которых той зимой было много...

*А льдина подплывала,
За быками, перед мостом,
Замедлила разбег.
Крестообразно,
В сторону руками,
Был в эту льдину впаян человек.
Нет, не солдат, убитый под Дубровкой,*

*На окаянном Невском пяточке.
А мальчик, по-мальчишески не ловкий,
В ремесленном кургузом пиджачке.
(Михаил Дудин)*

Мама видела эти льдины, с вмёрзшими в них людьми. А бабушка очень боялась светлых дней и ночей. Именно в такие дни город часто бомбили и обстреливали.

Длинные серые стены бомбоубежища и много людей, сидящих на ящиках вдоль стен. Ярко освещённая Конюшенная площадь, горят зажигательные бомбы. Это врезалось уже в мою детскую память. Пришло время, когда не вставали ни я, ни мама, ни бабушка».

*Нас в комнате трое, но двое не дышат.
Я к ним подойду, но они не услышат.
Спрошу — не ответят, а в комнате трое.
Да, в комнате трое, но двое не дышат.
Я всё понимаю.
Зачем же я хлеб на три части ломаю?
(Юрий Воронов)*

«Как выжили? Ангел к нам явился — соседка Катя. Она работала в бригаде молодых ленинградцев, которые обходили квартиры. Двери в квартиры уже давно не запирались. Искали выживших. Катя предложила маме работу в столовой на углу Невского и Малой Садовой. Мама ходить уже не могла, Катя взвалила её на плечи и отнесла на рабочее место. Две недели маму откармливали остатками еды, и, наконец, она смогла вставать. Впервые за долгие месяцы мы с бабушкой поели. Привычка облизывать тарелки у меня осталась надолго. А если никто не видит, так делаю и сейчас! И не стыжусь! А бидончики, рассказывала мама, выскребали мы с бабушкой, до блеска.

Родственница работала на мукомольном заводе, на проходной их обыскивали. Однажды она пришла к нам и высыпала из лифчика горсть зерна. А ведь за эту горсть могли расстрелять.

Мама вспоминала, что такого энтузиазма, какой был у выживших ленинградцев весной, она больше никогда не видела. Измождённые, полуголодные люди вышли на очистку города от нечистот и всего того, что оказалось под стаявшим снегом.

В самом начале войны мама работала на Ладого, водила грузовую машину. Рассказывала, что больше всего боялась уйти с машиной под лёд. Однажды на её глазах утонула идущая впереди машина. Маму, узнав, что у неё на руках ребёнок и больная мама, уволили. Наверное, это было к лучшему. Ведь только благодаря маме мы и выжили.

Помню большой шерстяной платок, завязанный у меня на спине. В нём и спала, укрывшись всем, что можно набросить на себя. Но всё равно было холодно.

В 1944 году в нашей женской семье появился мужчина — Самарец Николай Ильич. Войну он начал в партизанском отряде под Ровно. Его отозвали в Ленинград и поручили руководить кузнечно-механическим заводом на улице Егорова. Завод ремонтировал танки, прибывающие прямо с передовой. Все рабочие и сам директор жили на этом небольшом заводике. Фронт ждал танки.

Наверное, я ничего нового не рассказала о тех суровых днях. Но они были в моей жизни, и будут вечно в моей памяти. И каждый год 27 января я вспоминаю, с каким страхом смотрели на первый салют мои родные. Кроме радости от известия от прорыва блокады, в душе был страх — как светло, а если снова налёт?

Подготовил Сергей Богданов

Опубликовано в газете «Комминфо» № 3 (894) 24 января 2020 г